

СОМЕРСЕТ

МОЭМ

ЛУНА И ШЕСТЬ ПЕНСОВ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Сомерсет Моэм

Луна и шесть пенсов

«Издательство АСТ»

1919

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Луна и шесть пенсов / С. Моэм — «Издательство АСТ»,
1919 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148597-9

Потрясающая история художника, бросившего все ради своей мечты. Его страсть – свобода. Его жизнь – творчество. Его рай – экзотический остров Полинезии. А его прошлое – лишь эскиз к самой величайшей его работе, в которой слилось возвышенное и земное, «луна» и «шесть пенсов».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148597-9

© Моэм С., 1919
© Издательство АСТ, 1919

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	20
Глава девятая	24
Глава десятая	25
Глава одиннадцатая	28
Глава двенадцатая	31
Глава тринадцатая	36
Глава четырнадцатая	38
Глава пятнадцатая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сомерсет Моэм

Луна и шесть пенсов

© The Royal Literary Fund, 1919

© Перевод. В. Бернацкая, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава первая

Признаюсь, что, познакомившись с Чарльзом Стриклендом, я не заметил ничего, что выделяло бы его из общей массы. Зато в наше время мало кому придет в голову отрицать, что он великий человек. Я не имею в виду величие преуспевающего политика или удачливого военачальника: оно в большей степени связано с занимаемым местом, чем с самим человеком, и часто изменение обстоятельств доводит его до весьма скромных размеров. Вне своего кабинета премьер-министр часто выглядит всего лишь напыщенным краснобаем, а генерал без армии – персонажем ярмарочного представления. Величие Чарльза Стрикленда было настоящим. Возможно, вы не станете поклонником его живописи, но равнодушны к ней не останетесь. Его картины волнуют, от них трудно оторвать взгляд. Прошло то время, когда он был предметом насмешек, и теперь нет необходимости защищать его эксцентричность, и не считается извращенностью его превозносить, а к недостаткам стали относиться как к естественному продолжению достоинств. Споры о месте Стрикленда в искусстве, однако, не прекращаются, и неумеренная хвала поклонников раздражает не менее, чем пренебрежительное отношение недоброжелателей. Одно несомненно: в его лице мы имеем гения. Мне кажется, самое интересное в искусстве – личность художника, и если она уникальна, можно простить ему тысячу просчетов. На мой взгляд, Веласкес превосходит в мастерстве Эль Греко, но к нему привыкаешь, и привычка притупляет чувство восхищения: критянин же, чувственный и трагический, раскрывает вечную жертвенность своей души. Актер, художник, поэт или музыкант дарит нам эстетическое наслаждение своим искусством, возвышенным или прекрасным; но оно сходно с сексуальным удовлетворением и его дикой первобытностью: автор выставляет напоказ самого себя. Разгадывание его секрета увлекательно, как распутывание детективной истории. Но ответа вы не получите, как и разгадку мироздания. Даже самые незначительные произведения Стрикленда говорят о нем как о личности необычной, страдающей и сложной, и именно это не дает возможности тем, кто не любит его картины, оставаться равнодушными, возбуждая жгучий интерес к его личности и судьбе.

Не прошло и четырех лет со смерти Стрикленда, как Морис Гюре написал знаменитую статью в «Меркур де Франс», вызвавшую неизвестного художника из забвения и проложившую тропу, по которой далее следовали с большим или меньшим успехом другие писатели. В течение долгого времени Гюре считался в этом вопросе неоспоримым авторитетом, его заявления, хоть и казались экстравагантными, не могли не произвести на публику впечатления, последующие изыскания лишь подтвердили его правоту, и репутация Чарльза Стрикленда прочно укрепилась на фундаменте, заложенном первым исследователем. Зарождение славы этого художника – один из наиболее романтических эпизодов в истории искусства. Но я не стану касаться картин Чарльза Стрикленда, если только они не характеризуют его личность. Я не разделяю мнение тех художников, которые высокомерно заявляют, что любители ничего не понимают в живописи и лучше всего таким людям молчать с умным видом или оценивать произведение искусства с помощью кошелька. Огромная ошибка – видеть в искусстве только мастерство, доступное лишь профессионалам: искусство – яркое проявление чувств, а этот язык понятен всем. Но я допускаю, что критик, не обладающий познаниями в живописной технике, редко может сказать что-то стоящее, а мое невежество в этом вопросе вопиюще. К счастью, мне нет нужды пускаться в такую авантюру, так как мой друг, мистер Эдвард Леггат, одинаково наделенный талантом как в литературе, так и в живописи, дал исчерпывающий анализ творчества Чарльза Стрикленда в небольшой книге, изумительной по стилю, который, по несчастью, больше присущ французскому перу, нежели английскому.

В своей знаменитой статье Морис Гюре прочертил жизненный путь Чарльза Стрикленда довольно кратко – возможно, с целью пробудить в читателях интерес к подробностям. Одер-

жимый бескорыстной любовью к искусству, он страстно желал привлечь внимание сведущих людей к таланту в высшей степени оригинальному, но, будучи хорошим журналистом, понимал, что легче достигнет своей цели, если использует «человеческий интерес». И когда люди, встречавшиеся со Стриклендом в прошлом: писатели, знавшие его по Лондону, художники, проводившие с ним время в кафе на Монмартре, обнаружили, к своему удивлению, что тот, в ком они привыкли видеть неудачливого собрата, вдруг оказался подлинным гением, тогда то и стали появляться во французских и американских журналах в большом количестве статьи с воспоминаниями о Стрикленде и его творчестве; раздувая популярность художника, они еще больше разжигали любопытство публики. Тема была благодарная, и трудолюбивый Вейтбрехт-Ротолц в своей внушительной монографии привел впечатляющий список авторитетных источников.

Человеческая раса имеет склонность к мифотворчеству. Она с жадностью смакует все необычные и таинственные случаи из жизни тех, кто выделился из среды себе подобных, складывает о них легенды, а затем истово верит в них. Понятен этот романтический протест против серости жизни. Герою легенды уготован пропуск в бессмертие. Ироничный философ с улыбкой отметит, что сэр Уолтер Рэли навечно вошел в память потомков не тем, что присвоил английские названия до того неведомым странам, а тем, что бросил свой плащ Елизавете под ноги, дабы королева-девственница их не замочила. Чарльз Стрикленд жил неприметно. У него было больше врагов, чем друзей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что писавшие о нем раскрашивали свои скудные воспоминания яркой фантазией, хотя и в том достоверном, что известно о нем, есть шанс отыскать романтические моменты: жизнь обошлась с ним достаточно жестоко, характер был странный и скверный, а судьба чинила много препятствий. Со временем легенда обрела такую основательность, что разумный историк не решился бы на нее посягнуть.

Но преподобного Роберта Стрикленда трудно причислить к разумным историкам. Он написал биографию отца с конкретным намерением «убрать некоторые неточности, получившие в обществе широкое распространение» в отношении последнего периода жизни художника, которые «причиняют боль и поныне живущим людям». Действительно, многое из того, что писалось о жизни Стрикленда, могло шокировать членов уважаемого семейства. Книга сына меня от души развлекла, с чем я могу себя поздравить, потому что в целом она настоящая тягомотина. Стрикленд предстает там образцовым мужем и отцом, добряком, трудягой и высоконравственным человеком. На мой взгляд, современный священнослужитель довольно преуспел в науке, которая, кажется, именуется экзегезой¹, а ловкость, с какой преподобный Роберт Стрикленд «интерпретировал» факты из жизни отца в духе, какой и приличествует покорному сыну, убедила меня в том, что со временем он высоко поднимется в церковной иерархии. Я так и вижу на его мускулистых икрах епископские чулки. Поступок преподобного был смелым, но рискованным. Легенда, возможно, способствовала росту популярности художника, ведь многих влекло к искусству Стрикленда неприятие его личности или даже отвращение к ней, а других – сострадание к его ужасному концу. Благие намерения сына несколько охладили пыл почитателей. Вскоре после выхода новой биографии Стрикленда и вызванных ею споров одна из самых значительных работ художника «Самарянка» была продана на аукционе Кристи на 235 фунтов дешевле, чем девятью месяцами ранее, когда ее приобрел известный коллекционер, из-за внезапной смерти которого картина вновь пошла с молотка. Возможно, даже всей мощи и оригинальности Чарльза Стрикленда не хватало бы, чтобы повернуть колесо фортуны в свою сторону, если бы не мифотворческая способность человечества, откинувшая с негодованием версию, не утолявшую его жажду необычного. А тут еще вышла в свет книга доктора Вейтбрехта-Ротолца, развеявшая опасения всех любителей искусства.

¹ Толкование текста, особенно священного.

Доктор Вейтбрехт-Ротолц принадлежит к той школе историков, которые убеждены, что человеческая природа не просто порочна, а безмерно порочна, потому читатель и получает от их книг гораздо больше удовольствия, чем от книг историков, злонамеренно выставляющих великих романтических героев средоточием домашних добродетелей. Со своей стороны могу сказать, что меня расстроило бы, если б между Антонием и Клеопатрой не было никаких других отношений, кроме экономических; и потребуется гораздо больше доказательств, чем, хвала богу, могут предоставить историки, чтобы доказать мне, что Тиберий был столь же безгрешен и благонамерен, как король Георг V. Доктор Вейтбрехт-Ротолц до такой степени разнес в пух и прах целомудренную биографию преподобного, что трудно не испытать жалость к незадачливому священнику. Его пристойная сдержанность приравнивалась к лицемерию, уклончивое многословие – ко лжи, умолчание – к предательству. И на основании погрешностей, достойных порицания у обычного автора, но простительных сыну, вся англосаксонская раса обвинялась в ханжестве, жульничестве, претенциозности, коварстве и нечистоплотности. Лично я считаю, что мистер Стрикленд поступил опрометчиво, когда, решив опровергнуть слухи о «размолвках» между отцом и матерью, привел строки из написанного в Париже письма Чарльза Стрикленда, в котором он говорит о жене как о «порядочной женщине», ибо доктор Вейтбрехт-Ротолц опубликовал факсимиле письма, где этот отрывок приводится полностью: «Черт бы побрал мою жену. Она порядочная женщина. Гори она в аду». Надо сказать, что церковь в свои лучшие дни поступала с неудобными ей свидетельствами иначе.

Доктор Вейтбрехт-Ротолц был горячим поклонником Чарльза Стрикленда, и не было никакой опасности, что он примется его обелять. Доктор зорко подмечал низменные мотивы внешне благопристойных действий художника. К тому же он был не только знатоком искусства, но и психопатологом и хорошо разбирался в мире подсознательного. Ни один мистик не смог бы сравниться с ним в умении прозревать скрытый смысл в обыденном. Мистику доступно невыразимое, психопатологу – несказанное. Было особое наслаждение следить за тем рвением, с каким ученый автор выискивает обстоятельства, могущие опорочить его героя. Его сердце усиленно бьется, когда он может вытащить на свет божий очередной пример жестокости или низости, и он захлебывается от восторга, как инквизитор, отправивший на костер еретика, если какая-нибудь забытая история может посрамить сыновнее благочестие преподобного Роберта Стрикленда. Такая работоспособность поражает. Ничто не ускользает от его внимания, и вы можете быть уверены: если Чарльз Стрикленд не оплатил счет прачечной, вам предоставят об этом полный отчет, а если он не вернул позаимствованные полкроны, от вас не скроют ни одну деталь этого щекотливого дела.

Глава вторая

О Чарльзе Стрикленде написано так много, что мои заметки могут показаться лишними. Подлинный памятник художнику – его творчество. Правда, я знал его ближе, чем многие другие: познакомился с ним еще до того, как он увлекся живописью, и частенько виделся в те трудные для художника годы, что он провел в Париже. Однако думаю, я никогда не осмелился бы приступить к написанию этих заметок, если б превратности войны не забросили меня на Таити. Как известно, именно там провел Стрикленд последние годы жизни, и именно там я познакомился с близкими ему людьми. Так что мне предоставлена возможность пролить свет на тот период его трагической жизни, который во многом остается неизвестным. Если правы люди, верящие в то, что Стрикленд великий художник, тогда воспоминания тех, кто знал его лично, вряд ли будут излишними. Чего бы мы ни дали теперь за рассказы того, кто был знаком с Эль Греко так же близко, как я со Стриклендом?

Но я не уверен, что нуждаюсь в этих оправданиях. Не помню, кто именно посоветовал людям для душевного спокойствия делать каждый день две вещи, которые им не по нраву; совету этого мудреца я следую безоговорочно, и потому каждый день встаю с постели и каждый день ложусь в нее. Но в моей натуре есть склонность к аскетизму, и потому я еженедельно подвергаю мою плоть еще более жестокому испытанию: целиком прочитывая литературное приложение к «Таймс». Полезно размышлять об огромном количестве написанных книг, робких надеждах авторов увидеть книги напечатанными и о будущей судьбе писателей и их творений. Велик ли шанс пробиться той или иной книге сквозь эти заслоны? А если успех все же придет, то ненадолго. Бог знает, какие мучения претерпел автор, какой горький опыт пережил, сколько сердечных приступов выдержал – и все для того, чтобы дать возможность читателю немного развлечься или помочь скоротать время в дороге. А ведь, насколько можно судить по рецензиям, многие из этих книг превосходно написаны, их композиция тщательно продумана, а на некоторые потрачена чуть ли не целая жизнь. Из этого я извлек для себя мораль: писатель должен получать наслаждение от самого процесса творчества, освобождаясь от груза мыслей и оставаясь одинаково равнодушным к хвале и хуле, успеху или провалу.

Пришла война, а с ней и новые взгляды. Юность обратилась к кумирам, о которых мы раньше не слышали, и можно было предположить, в каком направлении двинутся те, кто идет за нами. Молодое поколение, неуемное и сознающее свою силу, не стучалось в двери, оно врвалось внутрь и усаживалось на наши места. Воздух сотрясался от их крика. Некоторые из старшего поколения, нелепо перенимая повадки молодых, изо всех сил убеждали себя, что их время еще не прошло; они пытались кричать громче всех, но их воинственные кличи казались жалким писком, а сами они напоминали старых распутниц, пытающихся с помощью карандаша, пудры и румян обмануть время. Те, что мудрее, достойно шли своим путем. В их бесстрастной улыбке сквозила насмешка. Они помнили, что в свое время так же шумно и презрительно вытесняли «стариков», и знали, что нынешние отважные, несущие факелы герои тоже впоследствии сойдут с сцены. Последнее слово никто не скажет. Когда Ниневия² заявила о своем величии, евангельская благая весть уже давно существовала. Смелые требования, кажущиеся новыми тому, кто их произносит, звучали почти с такой же интонацией сотни раз прежде. Маятник раскачивается туда-сюда. А движение всегда совершается по кругу.

Бывает, кто-то успевает прожить достаточное количество лет не только в своем времени, но и в новой, непонятной для него эпохе, и тогда в человеческой комедии случаются курьезные вещи. Кто, к примеру, помнит теперь о Джордже Краббе? А в свою эпоху он был извест-

² Во II веке в бывшей столице Ассирии уже проживали христиане, в VI веке были основаны два монастыря, здесь проповедовал Исаак Сирин.

ным поэтом, и мир признавал его гениальным с тем единодушием, какое редко встречается в наше сложное время. Он был учеником Александра Попа и писал нравоучительные рассказы в рифмованных двустишиях. Но потом разразилась Французская революция, последовали наполеоновские войны, и поэты стали слагать новые песни. А мистер Крабб упорно продолжал писать нравоучительные истории в рифмованных двустишиях. Полагаю, он читал стихи молодых поэтов, будораживших публику, но, не сомневаюсь, считал их вздором. Кое-что и правда было вздором. Но оды Китса и Вордсворта, пара стихов Кольриджа и еще в большей степени Шелли расширили еще неизведанные просторы духа. Однако мистер Крабб был глух как пень и по-прежнему сочинял рифмованные двустишия. Я иногда просматриваю то, что пишут молодые писатели. Возможно, среди них найдется и более пылкий Китс, и возвышенный Шелли, и их имена запомнит благодарное человечество. Здесь я молчу. Меня восхищает отделка их стиля – они так многого достигли в юности, что нелепо говорить, будто они что-то обещают. Восхищает богатство лексики, но, несмотря на словесное изобилие (не могу отделаться от мысли, что они так и родились со словарем Роже в ручонках), их творчество ничего мне не говорит: на мой взгляд, они слишком много знают и слишком поверхностно чувствуют; мне не по душе дружелюбие, с какой они похлопывают меня по спине, эмоциональность, с какой бросаются на грудь. Их страстность кажется мне вялой, их мечты несколько приземленными. Не нравятся они мне. Меня же отправили на полку. Я продолжаю писать нравоучительные истории рифмованными двустишиями. Но я был бы трижды дураком, если б делал это не только для собственного удовольствия.

Глава третья

Но все это между прочим.

Я очень рано написал первую книгу. По счастливой случайности, она привлекла внимание, и разные люди захотели со мной познакомиться.

Не без грусти предаюсь я воспоминаниям о литературной жизни того Лондона, когда я, поначалу робкий, но полный амбиций, влился в нее. Я давно не бывал в Лондоне, однако, если современные романисты точны в деталях, там многое изменилось. Сместились центры литературной жизни. Челси и Блумсбери заняли место Хэмпстеда, Ноттинг-Хилл Гейта и Хай-стрит в Кенсингтоне. Тогда были редкостью писатели моложе сорока, а теперь те, кто старше двадцати пяти, уже выглядят переростками. В те дни мы с застенчивостью относились к проявлению своих чувств, и страх показаться смешным смягчал проявления бахвальства. Не думаю, что прежняя богема отличалась чрезмерным целомудрием, но такой сексуальной распушенности, какая, похоже, процветает теперь, и в помине не было. Мы не считали лицемерием в особо пикантные моменты опускать занавес. Подыскивать грубые заменители вещам еще не считалось обязательным. Женщины еще не обрели полностью независимость.

Я жил неподалеку от вокзала Виктории и помню долгие поездки на автобусе к гостеприимным литераторам. Будучи по природе робким, я некоторое время топтался на улице и, только набравшись храбрости, звонил в звонок, и тогда меня, чуть живого от страха, вводили в душную, набитую под завязку комнату. Меня поочередно представляли известным людям, они говорили добрые слова о моей книге, отчего я чувствовал себя очень неловко. Я понимал, что от меня ждут остроумных реплик, но они приходили мне на ум только после окончания вечера. Пытаясь скрыть смущение, я активно передавал по кругу чашки с чаем и уродливо нарезанные бутерброды. Стараясь не привлекать к себе внимания, я незаметно наблюдал за этими небожителями и ловил каждое сказанное слово.

Мне вспоминаются дородные, с крупными носами неприветливые женщины, на которых одежда смотрелась как доспехи, и маленькие, похожие на мышек старые девы с еле слышными голосами и колючими глазками. Я был покорен упорством, с каким дамы, не снимая перчаток, поглощали бутерброды, и с восхищением взирал, как они, думая, что никто не видит, вытирают пальцы об обивку стульев. Обивке пользы это не приносило, но, полагаю, хозяйка, навещая подруг, отыгрывалась в свою очередь на их мебели. Некоторые дамы были в модных туалетах, оправдываясь тем, что не могут быть одеты как замарашки только потому, что написали роман. Если у тебя хорошая фигура, не стоит ее скрывать, а красивая туфелька на маленькой ножке уж точно не помешает редактору принять твой «опус». Другие, наоборот, находили такой взгляд легкомысленным и носили одежду из обычных магазинов и уродливую бижутерию. Мужчины редко одевались эксцентрично. Стараясь не выглядеть представителями богемы, они носили строгую одежду, какую носят офисные работники. Выглядели при этом всегда слегка уставшими. Я никогда раньше не был знаком с писателями, они казались мне странными и даже не совсем настоящими.

Помнится, меня восхищали их разговоры, и я с удивлением слушал, как они язвительно осыпают колкостями собрата по перу, стоит ему закрыть за собой дверь. Особенность людей художественного склада в том, что друзья дают им повод для насмешек не только своим внешним видом или характером, но и своим творчеством. Я не надеялся когда-нибудь научиться выражаться так же легко и изящно, как они. В те дни разговор приравнивался к искусству, остроумный ответ ценился выше глубокомыслия, а эпиграмма еще не стала механизмом по превращению глупости в подобие мудрости и придавала живость салонной болтовне. Жаль, что я ничего не запомнил из этого каскада остроумия. Впрочем, беседа обретала некое единство, когда затрагивалась финансовая сторона нашей деятельности. Обсудив достоинства новой

книги, мы переходили к тому, насколько велика ее распродажа, какой аванс получил автор и сколько денег книга в результате ему принесет. Затем разговор переключался на издателей, кто щедр, а кто скуп, начинались споры, с кем лучше иметь дело – с тем, кто предлагает щедрый гонорар, или с тем, кто может пристроить любую книгу. Некоторые издатели не скупаются на рекламу, другие наоборот. Одни идут в ногу со временем, другие старомодны. Шел разговор и об агентах – кто расторопнее, кто выбивает лучшие условия, и о том, что требуется редакторам, сколько они платят за тысячу слов и насколько аккуратно это делают. Вся эта кухня мне казалась ужасно романтической. Словно меня приобщили к некоему мистическому братству.

Глава четвертая

Никто не относился в то время ко мне с таким участием, как Роуз Уотерфорд. Она соединяла в себе мужской ум и женскую непредсказуемость, а ее романы отличались особой оригинальностью. Именно у нее я однажды встретил жену Чарльза Стрикленда. Мисс Уотерфорд устроила чайную вечеринку, и ее небольшая гостиная была переполнена. Все оживленно болтали, и, не участвуя в беседе, я чувствовал себя неловко, но по своей робости не решался присоединиться ни к одной из групп гостей, казалось, всецело поглощенных своими делами. Не забывая про обязанности хозяйки, мисс Уотерфорд уловила мое смущение и подошла.

– Вам стоит поговорить с миссис Стрикленд, – сказала она. – Она без ума от вашей книги.

– А чем она занимается? – спросил я.

Я сознавал свое невежество, и если миссис Стрикленд была известным писателем, то стоило узнать это прежде, чем вступить с ней в разговор.

Роуз Уотерфорд скромно потупилась, чтобы придать больший вес своим словам.

– У нее прекрасные ланчи. Стоит вам сказать ей несколько слов – и ждите приглашения.

Роуз Уотерфорд была циником. На жизнь она смотрела как на подаренную возможность писать романы, а на людей – как на необходимое для этого сырье. Время от времени она приглашала некоторых избранных, тех, кто восхищался ее талантом, к себе домой, и тогда была гостеприимной хозяйкой. С добродушным презрением посмеиваясь над их слабостью к знаменитостям, она играла перед ними роль талантливой и широко мыслящей писательницы.

Представленный миссис Стрикленд, я минут десять говорил с ней наедине. Запомнился мне только ее приятный голос. У нее была квартира в Вестминстере, выходящая на недостроенную церковь, и, будучи соседями, мы прониклись друг к другу симпатией. Магазин армии и флота служит связующим звеном для тех, кто живет между рекой и парком Сент-Джеймс. Миссис Стрикленд спросила мой адрес, и через несколько дней я получил приглашение на ланч.

Я не был избалован приглашениями и с радостью его принял. Пришел я с небольшим опозданием, ибо, из-за страха прийти первым, три раза обошел вокруг церкви. Компания была почти вся в сборе. Пришли мисс Уотерфорд, миссис Джей, Ричард Твайнинг и Джордж Роуд. Все без исключения – писатели. Стояла ранняя весна, день был погожий, и все находились в прекрасном настроении.

О чем мы только не говорили! На мисс Уотерфорд, разрывавшейся между эстетизмом ранней юности, когда она надевала в общество строгое серо-зеленое платье, держа нарциссы в руках, и легкомыслием зрелых лет с высокими каблуками и платьями из Парижа, была новая шляпка. Это ее возбуждало. Никогда раньше она не отпускала таких язвительных колкостей об общих друзьях. Мисс Джей, убежденная, что остроумие должно быть непременно непристойным, травила полушепотом анекдоты, способные заставить покраснеть даже белоснежную скатерть. Ричард Твайнинг нес какую-то полную околесицу, а Джордж Роуд, уверенный, что ему, как известному краснобаю, нет надобности ежеминутно выдавать остроты, просто все время жевал. У миссис Стрикленд был замечательный дар поддерживать беседу, не говоря много самой: когда пауза затягивалась, она подбрасывала нужную реплику, и разговор снова оживлялся. Высокая, слегка полноватая женщина лет тридцати семи, она не отличалась красотой, но добрые карие глаза делали ее лицо привлекательным. Болезненный цвет кожи скрадывали безукоризненно причесанные темные волосы. У нее, одной из трех присутствующих дам, на лице отсутствовали следы косметики, и по контрасту с другими она выглядела естественной и простой.

Убранство столовой соответствовало строгому вкусу времени. Высокая белая панель на стенах и зеленые обои с гравюрами Уистлера в изысканных черных рамках. Зеленые шторы с

павлинами тяжело свисали по краям окон, а узор зеленого ковра с бледными кроликами, резвившимися в зелени дерев, говорил о влиянии Уильяма Морриса. На каминной полке стояли образцы голубого фарфора Делфта. В то время в Лондоне нашлось бы не менее пятисот столовых, убранных в том же стиле – строго, элегантно и скучно.

Мы вышли из дома вместе с мисс Уотерфорд – прекрасный день и ее новая шляпа склонили нас к решению прогуляться по парку.

– Прекрасно провели время, не так ли? – сказал я.

– Как вам еда? Я ей так и сказала: если хочешь общаться с писателями, корми их лучше.

– Умный совет, – согласился я. – Но зачем ей писатели?

Мисс Уотерфорд пожала плечами.

– Они ее забавляют. И от моды не хочется отставать. Сама она лишена талантов, бедняжка, и считает всех нас исключительными людьми. В конце концов, эти ланчи хороши и для нее, и для нас. Потому-то она и вызывает во мне симпатию.

Оглядываясь назад, я думаю, что миссис Стрикленд была самой безобидной из всех охотниц за знаменитостями, преследующих свою добычу от недостижимых высот Хэмпстеда до самых непрестижных студий Чейни-Уока. Юность она провела в деревне, и книги, выписываемые из библиотеки Муди³, покоряли ее не только собственной романтикой, но и романтикой Лондона. Чтение было ее страстью – редкое качество в кругу, где больше интересуются автором, чем его книгой, художником, чем его картинами, – она жила в мире, созданном ее воображением, наслаждаясь там свободой, недоступной в обычной жизни. Когда она познакомилась с писателями, ей стало казаться, что она участвует в спектакле, который раньше видела только из зрительного зала. Она с таким пиететом относилась к писателям, что ей казалось, будто жизнь ее за последнее время стала более насыщенной: ведь она принимала и развлекала их у себя, а также и сама навещала. Их образ жизни ее не смущал, но ей никогда не приходило в голову позаимствовать его. Моральная распушенность, эксцентричность в одежде, абсурдные теории и парадоксы – все это ее забавляло, но никак не отражалось на сложившихся убеждениях.

– А существует ли мистер Стрикленд? – спросил я.

– Ну конечно. Он чем-то занимается в Сити. Кажется, биржевой маклер. Прескучный тип.

– Они ладят между собой?

– Просто обожают друг друга. Если повезет, увидите его за обедом. Но миссис Стрикленд не любит приглашать к обеду посторонних. Ее муж тишайший человек, но совершенно не интересуется литературой и искусством.

– Почему милые женщины так часто выходят замуж за скучных мужчин?

– Потому что интересные мужчины не женятся на милых женщинах.

Не найдя, что ответить, я поинтересовался, есть ли у миссис Стрикленд дети.

– Да. Мальчик и девочка. Оба учатся в школе.

Тема была исчерпана, и мы перешли к другим вещам.

³ Чарльз Эдвард Муди (1818–1890) – издатель и основатель частной библиотеки.

Глава пятая

В течение лета я довольно часто видел миссис Стрикленд и время от времени бывал на ее маленьких, уютных ланчах и обильных чаепитиях. Мы симпатизировали друг другу. Я был очень молод, и, возможно, ей льстила мысль опекать меня в начале литературной карьеры, а мне было приятно, что рядом находится кто-то, с кем я могу поделиться мелкими неурядицами, зная, что меня внимательно выслушают и дадут добрый совет. Миссис Стрикленд обладала даром сочувствия. Поистине замечательное свойство, но те, кому оно дано, часто безжалостно им злоупотребляют, с жадностью набрасываясь на несчастья других, и тем самым словно тренируют свою способность. Сочувствие бьет из них, как нефть из нефтяной скважины, но оно столь обильно, что иногда только усугубляет положение жертвы. На некоторые жилетки пролито столько слез, что я никогда не присоединил бы к ним свои. Миссис Стрикленд в этом вопросе проявляла такт. У вас складывалось впечатление, что, принимая ее сочувствие, вы оказываете ей услугу. Когда я с юношеской непосредственностью поделился этим наблюдением с Роуз Уотерфорд, она сказала:

– Молоко – чудесная вещь, особенно с капелькой бренди, но корова только и мечтает, чтобы освободиться от него. Разбухшее вымя – неприятная штука.

У Роуз Уотерфорд был ядовитый язычок. Никто не мог съязвить злее, и никто не мог выразить это изящнее.

Еще одно качество я ценил в миссис Стрикленд. Она умела создавать вокруг себя атмосферу элегантности. Квартира ее дарила ощущение уюта и радости, оно исходило от многочисленных цветов и тканевых обоев в гостиной – веселых и ярких, несмотря на строгий рисунок. Подаваемые в небольшой артистической столовой кушанья на отлично сервированном столе были выше всяческих похвал, а обе горничные были аккуратные и привлекательные. Не было никаких сомнений в том, что миссис Стрикленд замечательная хозяйка. И вы принимали на веру, что она к тому же и превосходная мать. В гостиной висели фотографии сына и дочери. Шестнадцатилетний сын Роберт учился в Рагби⁴, на одной фотографии он был во фланелевом спортивном костюме и кепке для крикета, на второй – во фраке со стоячим воротничком. У него был открытый лоб матери и красивые, задумчивые глаза. Он производил впечатление чистого, здорового и уравновешенного юноши.

– Уж не знаю, насколько он умен, – как-то сказала миссис Стрикленд, когда я рассматривал его фотографию, – но то, что он хороший человек, знаю наверняка. У него прекрасный характер.

Дочери было четырнадцать. Ее волосы, густые и темные, как у матери, тяжело падали, рассыпаясь, на плечи, а в добрых глазах было то же спокойное, безмятежное выражение.

– Они оба – ваши копии, – сказал я.

– Да. Они больше похожи на меня, чем на отца.

– Почему вы не представите меня вашему мужу? – спросил я.

– А вы хотите?

Миссис Стрикленд улыбнулась нежной улыбкой и залилась краской. Для женщины ее возраста она легко краснела. Возможно, наивность была ее главным очарованием.

– Но он совсем не интересуется литературой, – сказала она. – Мой муж простой обыватель.

Ее слова позвучали совсем не пренебрежительно, а скорее с любовью, словно, признав что-то несовершенное в муже, она хотела уберечь его от злой клеветы.

⁴ Рагби – одна из самых престижных и старейших школ Англии; вошла в историю благодаря изобретению игры регби (1823).

– Он играет на бирже. Типичный биржевой маклер. Вы с ним умрете с тоски.

– Вам скучно с ним?

– Это другое. Я его жена. И я очень сильно его люблю.

Миссис Стрикленд улыбнулась, чтобы скрыть смущение, и я подумал, что она, возможно, опасается шутки, какую на моем месте явно отпустила бы Роуз Уотерфорд. Она явно колебалась. Но глаза ее потеплели.

– Муж не строит из себя гения. И даже на бирже не так много зарабатывает. Но зато он добрый и милый человек.

– Думаю, мне он понравится.

– Как-нибудь приглашу вас на семейный обед, но только на ваш риск. Будет скучно, пеняйте на себя.

Глава шестая

Наконец я встретился с Чарльзом Стриклендом, но назвать эту встречу настоящим знакомством было бы большой натяжкой. Однажды утром я получил от миссис Стрикленд записку, в которой она сообщала, что вечером дает обед, на который один из приглашенных не сможет прийти, и при желании я могу занять его место.

Считаю себя обязанной предупредить, – писала она, – что вы будете отчаянно скучать. Ничего другого не предвидится: таков уж состав гостей, но если вы все-таки решитесь, я буду бесконечно признательна. Думаю, мы даже сможем поболтать немного наедине.

Такое приглашение нельзя было не принять.

Миссис Стрикленд представила меня мужу, и он довольно равнодушно пожал мне руку. Весело улыбувшись ему, она позволила себе пошутить:

– Вот пригласила друга, чтобы он убедился в существовании у меня мужа. А то он уж начал в этом сомневаться.

Стрикленд издал короткий вежливый смешок, им обычно люди дают понять, что оценили попытку пошутить, хотя сами не видят в ситуации ничего смешного. Новые гости отвлекли внимание хозяина, и я опять остался в одиночестве. Когда наконец все собрались и я, дожидаясь знака, занимал разговором даму, которую мне поручили вести к столу, я вдруг невольно озадачился вопросом: зачем цивилизованные люди тратят на ненужные церемонии короткий отрезок своей жизни? Непонятно, зачем хозяйка убивает столько времени на прием гостей и зачем гости утруждают себя приходом. Собрались десять человек. Они без энтузиазма встретились и разойдутся с чувством облегчения. Мероприятие несло чисто социальную функцию. Стрикленды чувствовали себя обязанными пригласить на обед определенное число гостей, к которым не испытывали никакого интереса. Их долг – пригласить, долг гостей – прийти. Почему?

Чтобы избежать скучных обедов *tête-à-tête*, чтобы дать отдохнуть прислуге, чтобы не выдумывать предлогов для отказа или потому, что просто «задолжали» обед.

В столовой было тесновато. Среди гостей был королевский адвокат с супругой, правительственный чиновник с супругой, сестра миссис Стрикленд с мужем, полковником МакЭндрю, и жена члена парламента. Меня пригласили в связи с тем, что члену парламента не удалось высвободить этот вечер. Я попал в исключительно респектабельную компанию. Женщины были слишком благовоспитанны, чтобы изысканно одеваться, и слишком уверены в своем положении, чтобы быть занимательными. Мужчины выглядели солидно. Все излучали самодовольство.

Гости говорили громче обычного, инстинктивно желая оживить атмосферу застолья, и в комнате стоял шум. Однако разговор не был общим. Каждый беседовал только с соседом – справа за супом, рыбой и основным блюдом; и слева – за мясом, острой закуской и десертом. Разговор вращался вокруг политической ситуации, гольфа, детей, последней премьеры, выставке в Королевской академии, погоде и планах на отпуск. Разговор не умолкал ни на секунду, и шум голосов постепенно усиливался. Миссис Стрикленд могла поздравить себя: прием проходил на ура. Муж тоже с достоинством играл роль хозяина. Правда, говорил он не так много, и мне показалось, что к концу вечера на лицах его соседок появилось выражение усталости. Видимо, он утомил их. Миссис Стрикленд бросила на мужа пару беспокойных взглядов.

Наконец она поднялась и пригласила дам перейти в гостиную. Стрикленд закрыл за ними дверь и, перейдя на другой конец стола, сел между адвокатом и правительственным чиновником. Он налил всем портвейна и предложил сигары. Адвокат отметил отличное качество вина, и Стрикленд сообщил, где его купил. Возник оживленный разговор о сортах вин и табака.

Потом адвокат упомянул об интересном деле, которым сейчас занимался, а полковник заговорил об игре в поло. Лично мне сказать было нечего, и я молчал, силясь изобразить интерес к предметам обсуждения, и, так как никто не обращал на меня ни малейшего внимания, стал на досуге рассматривать Стрикленда. Он оказался крупнее, чем я ожидал: почему-то я воображал его худощавым и невзрачным, а на самом деле это был здоровяк с большими руками и ногами, и вечерний костюм сидел на нем мешковато. Он вызвал у меня представление о принарядившемся кучере. Лет ему было около сорока, не красавец, но и не урод; черты лица правильные, но какие-то преувеличенные, что создавало невыгодное впечатление. Он был гладко выбрит, отчего его большое лицо выглядело неприлично голым. Рыжеватые волосы подстрижены слишком коротко, глаза маленькие, серо-голубые. Словом, совершенно заурядная внешность. Мне стало понятно смущение миссис Стрикленд: такой человек вряд ли мог принести ей «очки» в среде художников и литераторов. В нем не было ни капли светскости, но это еще куда ни шло, однако не было и ничего необычного, эксцентричного, что выделяет из толпы. Просто добрый малый, скучный, честный и совершенно неинтересный. Такими людьми можно восхищаться, но общаться с ними не тянет. Мистер Стрикленд был просто никто. Пусть он полезный член общества, хороший муж и отец, честный маклер, но это не повод тратить на него свое время!

Глава седьмая

В городе становилось жарко и пыльно. Все планировали куда-нибудь сбежать. Миссис Стрикленд с семейством собралась на побережье Норфолка, где дети могли плавать, а муж играть в гольф. Мы распрощались, договорившись встретиться осенью. Но за день до отъезда, выходя из магазина, я встретил миссис Стрикленд в обществе сына и дочери; она, как и я, делала последние покупки перед тем, как покинуть Лондон, и так же, как и я, обливалась поштом. Я предложил им поесть вместе мороженого в ближайшем парке.

Кажется, миссис Стрикленд была рада показать мне детей и потому с готовностью согласилась. В жизни они оказались еще привлекательнее, чем на фотографиях, у матери было полное право ими гордиться. Я был еще достаточно молод, и потому они, не стесняясь, весело болтали со мной обо всем на свете. Дети были прекрасные – здоровые юные создания. А под сенью деревьев жара почти не ощущалась.

Когда спустя час они уехали на такси домой, я лениво поплелся в клуб. На душе было слегка тоскливо, я испытал некоторую зависть, созерцая чужое семейное счастье, которое только что мне приоткрылось. Похоже, они искренне любили друг друга. Об этом говорили общие шуточки, словечки, непонятные постороннему, но их смешившие до упаду. Чарльз Стрикленд мог казаться скучноватым из-за отсутствия в его разговоре словесного изыска, непременно в определенном кругу, однако его интеллект соответствовал окружению, а это гарантия не только определенного успеха, но в еще большей степени счастья. Миссис Стрикленд была обворожительной женщиной, и она любила его. Я представил себе их жизнь, не замутненную никакими подозрениями, честную, благопристойную и полную смысла благодаря этим двум здоровым, прекрасным детям, которым предназначено продолжить крепкие традиции их расы и сословия. Со временем супруги состарятся, а их дети тем временем возмужают, обретут свои семьи: сын женится на прелестной девушке, будущей матери здоровых ребятенков; дочь выйдет замуж за крепкого, красивого парня, скорее всего военного; и когда супруги в преклонные годы, прожив достойную и полезную жизнь, уйдут в мир иной, их оплачат любящие родственники.

Такова, вероятно, жизнь множества супружеских пар, и в этой жизни есть своя безыскусная прелесть. Приходит на ум тихий ручеек, мирно струящийся по зеленому лугу в тени роскошных деревьев, пока не впадет в большое море – настолько спокойное, тихое и равнодушное, что вам становится немного не по себе. Возможно, все дело в странности моей натуры, сказывавшейся уже в молодые годы, когда мне казалось, что участь большинства людей, хотя она, безусловно, имеет общественную ценность, имеет пресноватый привкус. Я признавал спокойствие и достоинство упорядоченного счастья такой жизни, но бурлящая молодая кровь жаждала другого. Простые, безмятежные радости отпугивали меня. В сердце зрело желание вкушать другой – опасной жизни. Меня не пугали острые рифы и предательские мели – только бы жизнь моя изменилась, я жаждал перемен и неведомых волнений.

Глава восьмая

Перечитав то, что я написал о Стриклендах, я вижу, что супруги выглядят безжизненными фигурами. Я не смог наградить их теми характерными особенностями, которые дают возможность персонажам книги жить собственной жизнью, и, понимая, что это целиком моя вина, ломал себе голову в поисках живых черт, которые сделали бы их существование реальным. Я чувствовал, что, используя специфический оборот речи или необычную привычку, придал бы характерам вес и сделал их более живыми. Пока они выглядели как сливающиеся с фоном фигуры на старом гобелене, которые на расстоянии вообще утрачивают очертания, становясь просто приятными для глаза мазками. Единственное оправдание в том, что они мне такими и казались. В них была неопределенность, свойственная людям, чьи жизни являются частью социума, в нем и благодаря ему они только и существуют. В этом они сродни клеткам нашего организма, очень важным для нас, но о которых в здоровом состоянии не думаешь. Стрикленды – обычное семейство среднего класса. Милая, гостеприимная жена с невинной симпатией к литературной богеме; скучный муж, честно исполняющий свои обязанности на месте, определенном ему судьбой; двое очаровательных, здоровых детишек. Ничего необычного. Их жизнь не могла бы заинтересовать любопытного читателя.

Когда я размышляю о поздних событиях, то задаюсь вопросом: не был ли я просто толстокожим идиотом, раз не разглядел в Чарльзе Стрикленде ничего необычного. Может быть. За годы, прошедшие с того времени, я довольно хорошо узнал людей и все-таки не уверен, что даже приобретенный опыт изменил бы мое отношение к Стриклендам. Разве что, познав к этому времени всю непредсказуемость человека, я не был бы так ошарашен новостью, услышанной по осени, когда вернулся в Лондон.

Я и дня не провел в городе, как столкнулся с Роуз Уотерфорд на Джермин-стрит.

– У вас подозрительно оживленный вид, – сказал я. – Что тому причиной?

Литературная дама улыбнулась, а глаза ее блеснули хорошо знакомым мне злорадным блеском. Это означало, что у кого-то из ее друзей случилась скандальная история и она не может скрыть своего волнения.

– Вы ведь знакомы с Чарльзом Стриклендом?

Не только лицо, но все ее тело жаждало сообщить новость. Я кивнул. Шевельнулось нехорошее предчувствие, что бедняга мог проигратся на бирже или попасть под автобус.

– Жуткая история. Он бросил жену.

Мисс Уотерфорд считала невозможным раскрыть всю подноготную истории, стоя на обочине Джермин-стрит, и потому со свойственной ей артистичной бесцеремонностью огорошила меня одним лишь фактом, умолчав о подробностях. Я не хотел верить, что такое незначительное обстоятельство помешает ей рассказать мне все до конца, но она стояла на своем.

– Говорю вам, ничего я не знаю, – только и ответила она на мои взволнованные расспросы, а потом, передернув плечиком, прибавила: «Думаю, судьба у какой-нибудь малышки из закуской изменилась к лучшему». Послав мне нежнейшую улыбку, она удалилась, сославшись на визит к зубному врачу. Полученное известие не столько расстроило, сколько заинтересовало меня. В те дни я мало что знал о реальной жизни, и меня потрясло, что между знакомыми людьми произошло нечто, о чем я раньше читал только в книгах. Признаюсь, теперь я уже привык к подобным ситуациям в кругу своих знакомых, но тогда случившееся вывело меня из равновесия. Стрикленду было не меньше сорока, а в таком почтенном возрасте, на мой взгляд, уже неприлично заводить связи на стороне. С высокомерием юнца я считал, что крутить романы после тридцати пяти могут только глупцы. Впрочем, это известие неприятным образом касалось меня лично, ибо я сообщил из деревни миссис Стрикленд о дате своего приезда, присовокупив, что в определенный день приду к ней на чай, если не получу письменного

отказа. Сегодня был как раз этот день, но никаких известий от миссис Стрикленд я не получал. Хочет она меня видеть или нет? Возможно, среди нахлынувших волнений она просто забыла о моей записке, и будет разумнее воздержаться от визита. А может, напротив, она не хочет разглашения этой истории, и тогда мое отсутствие станет доказательством того, что эта странная история мне известна. Я разрывался между страхом причинить боль достойной женщине и страхом показаться бестактным. Она наверняка страдает, а зачем смотреть на чужое горе, если не можешь помочь? И в то же время меня обуревало постыдное желание видеть, как она справляется с этой бедой. Словом, я не знал, как поступить.

Наконец мне пришло в голову, что я могу явиться как ни в чем не бывало и спросить через горничную, может ли миссис Стрикленд меня принять. Удобный случай отказать, если она не готова меня видеть. Но дожидаясь ответа в темном холле после того, как передал горничной заготовленную фразу, я напрягал всю свою волю, чтобы не сбежать самым постыдным образом. Горничная вернулась. В своем возбужденном состоянии я почему-то увидел в поведении прислуги нечто, говорящее о том, что все полностью осведомлены о постигшем семью несчастье.

– Не угодно ли вам пройти за мной, сэр? – сказала она.

Я последовал за ней в гостиную. Шторы были частично задвинуты, отчего в комнате было темновато. Миссис Стрикленд сидела спиной к свету. Ее зять, полковник МакЭндрю, стоял перед камином, словно согревая спину несуществующим огнем. Я чувствовал себя неловко, вообразив, что мой приход для них неожиданность и миссис Стрикленд пригласила меня войти только потому, что забыла написать отказ. А уж полковник, не сомневался я, просто разгневан моей бестактностью.

– Не совсем уверен, что вы ожидали меня, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал беспечно.

– Конечно, ожидали. Сейчас Энн принесет чай.

Даже в полутьме нельзя было не заметить, что лицо миссис Стрикленд опухло от слез. Ее кожа, и раньше не отличавшаяся свежестью, была теперь землистого цвета.

– Вы ведь знакомы с моим зятем? Помнится, незадолго до моего отъезда на море вы встречались за обедом.

Мы обменялись рукопожатием. Я настолько оробел, что молчал как истукан, но тут ко мне на помощь пришла миссис Стрикленд. Она поинтересовалась, что я делал этим летом, и с ее помощью я продержался до того, как внесли чай. Полковник спросил виски с содовой.

– Тебе бы тоже не помешало, Эми, – сказал он.

– Нет. Лучше чай.

Это был первый намек на то, что произошла какая-то неприятность. Я делал вид, что ничего не замечаю, и всеми силами старался втянуть миссис Стрикленд в разговор. Полковник по-прежнему молча стоял у камина. Так и не поняв, какого черта миссис Стрикленд вообще позволила мне прийти, я прикидывал, когда прилично откланяться и ретироваться. В комнате впервые не было цветов, убранные на лето безделушки еще не успели расставить по местам, и комната, всегда производившая радостное впечатление, выглядела теперь такой унылой и холодной, что возникало сомнение, не лежит ли за стеной покойник. Я допил чай.

– Хотите сигарету? – спросила миссис Стрикленд.

Она поискала взглядом пачку, но ее поблизости не оказалось.

– Боюсь, ничего не осталось.

Неожиданно она разрылась слезами и выбежала из комнаты.

Я был обескуражен. Думаю, отсутствие сигарет, покупкой которых всегда занимался муж, пробудило в ней воспоминания, и новое чувство, что теперь она лишена маленьких, привычных удобств, вызвало внезапный прилив боли. Прежняя жизнь ушла, осознала она, все кончено. Теперь не до светских условностей.

– Полагаю, мне лучше уйти, – сказал я полковнику, поднимаясь.

– Вам, конечно, известно, что этот негодяй бросил ее, – горячо выкрикнул он.

Я колебался, не зная, что сказать.

– Сами знаете, слухами земля полнится, – ответил я. – Кто-то намекнул, что у них не все в порядке.

– Он сбежал. Удрал в Париж с какой-то особой. Эми осталась совсем без средств.

– Мне очень жаль, – промямлил я, не зная, что сказать.

Полковник залпом выпил виски. Это был высокий, худощавый мужчина лет пятидесяти, с длинными, свисающими усами и седой головой. Голубые, водянистые глаза, невыразительный рот. Еще с прошлой встречи мне запомнилось его глуповатое лицо и тщеславная фраза, что до отставки он десять лет играл в поло три раза в неделю.

– Думаю, миссис Стрикленд сейчас не до меня, – сказал я. – Передайте ей мое сочувствие.

Если я чем-то могу помочь, то сделаю это с радостью.

Полковник меня даже не слушал.

– Не знаю, что с ней теперь будет. И с детьми. На что они будут жить? Семнадцать лет.

– Семнадцать лет? Что вы хотите сказать?

– Они женаты семнадцать лет, – отрезал он. – Мне Стрикленд никогда не нравился.

Конечно, он свояк, и я, как мог, старался держаться с ним дружелюбно. Но разве можно назвать его джентльменом? Ей вообще не стоило выходить за него.

– Думаете, это окончательный разрыв?

– Ей остается только развестись с ним. Когда вы вошли, я как раз говорил об этом. «Немедленно начинай дело о разводе, дорогая Эми, – сказал я. – Не только ради себя, но и ради детей». Лучше ему никогда не попадаться мне на глаза. Отутюжу по первое число.

Я непроизвольно подумал, что полковнику МакЭндрю придется непросто: Стрикленд производил впечатление крепкого, сильного человека, но я предпочел промолчать. Грустно, когда праведное негодование не обладает мощными кулаками, чтобы обуздать грешника. Я предпринял еще одну попытку удалиться, но тут вернулась миссис Стрикленд. Она утерла слезы и припудрила носик.

– Простите мою несдержанность, – сказала она. – Рада, что вы не ушли.

Миссис Стрикленд села. Я не знал, что сказать. Неловко заговаривать о вещах, не имеющих к тебе отношения. Мне была еще неведома женская страсть – обсуждать личные проблемы со всяким, кто готов слушать.

Казалось, миссис Стрикленд сделала над собой усилие.

– Значит, все об этом говорят? – спросила она.

Я был ошарашен ее убежденностью в том, что мне известно все о постигшем ее горе.

– Я только что вернулся. И видел только одного человека – Роуз Уотерфорд.

Миссис Стрикленд стиснула руки.

– Передайте мне в точности то, что от нее слышали. – И, видя мою растерянность, проявила настойчивость: – Мне надо это знать.

– Ну, люди всякое говорят. Нельзя полагаться на их слова. Она сказала, что вас оставил муж.

– И это все?

Я не смог повторить последние слова Роуз Уотерфорд о «малышке из закуской» и солгал.

– Она не говорила, с кем он мог уехать?

– Нет.

– Это все, что я хотела знать.

Я был несколько озадачен, но теперь хотя бы понимал, что могу уйти. Пожимая руку миссис Стрикленд, я заверил ее, что всегда с радостью приду на помощь. Она грустно улыбнулась.

– Благодарю вас. Не представляю, кто и чем тут может помочь.

Робость не позволила мне и дальше выражать сочувствие, и я повернулся, чтобы попрощаться с полковником. Он не протянул мне руки.

– Я тоже иду. Если вы идете вдоль Виктория-стрит, то нам по пути.

– Отлично, – сказал я. – Тогда вперед!

Глава девятая

– Ужасная история, – заговорил полковник, как только мы вышли на улицу.

Мне стало ясно, что он вышел вместе со мной, чтобы еще раз обсудить то, о чем он часами говорил со свояченицей.

– Мы даже не знаем, кто эта женщина, – сказал он. – Известно только, что подлец сбежал в Париж.

– Мне казалось, они ладят друг с другом.

– Так и было. Перед тем, как вы вошли, Эми как раз говорила, что за всю совместную жизнь они ни разу ни поссорились. Вы ведь знаете Эми. В мире не найдется женщины лучше.

После таких откровенных признаний я счел возможным задать в свою очередь несколько вопросов.

– Так она ничего не подозревала?

– Абсолютно ничего. Август он провел с ней и детьми в Норфолке. Вел себя как обычно. Мы с женой навестили их, провели там два-три дня, я играл с ним в гольф. В сентябре он вернулся, заменив делового партнера, который отправился в отпуск, а Эми осталась на море. Дом они сняли на шесть недель, и под конец пребывания она сообщила мужу, когда возвращается в Лондон. Ответ пришел из Парижа. Стрикленд сообщал о своем решении расстаться с ней.

– Он как-то объяснил свой поступок?

– Никак, в том-то и дело. Я сам видел письмо. В нем строк десять – не больше.

– Это выходит за все рамки.

В этот момент мы как раз переходили улицу, и оживленное движение помешало нам продолжить разговор. То, что рассказывал полковник, звучало сомнительно, и я подозревал, что миссис Стрикленд по каким-то своим соображениям кое-что от него утаила. После семнадцати лет брака мужчина не оставляет жену без всяких причин, и она могла задаться вопросом, так ли уж хорошо складывалась их семейная жизнь. Полковник прервал мои раздумья.

– Какие нужны еще объяснения? Ясно, что тут замешана женщина. Видно, решил, что Эми сама все узнает. Вот такой фрукт!

– Что намерена делать миссис Стрикленд?

– Прежде всего нужно получить доказательства. Для этого я сам поеду в Париж.

– А что с его бизнесом?

– Здесь он проявил чудеса ловкости. Целый год урезал расходы.

– А своего партнера он предупредил, что собирается уходить?

– Даже не подумал.

Полковник МакЭндрю имел смутное представление о бизнесе, я вообще никакого, и не понимал, на каких условиях Стрикленд оставил свои дела. Партнера кинули, тот, должно быть, очень зол и грозит судебным преследованием. Похоже, это могло обойтись в четыреста-пятьсот фунтов.

– Хорошо, что мебель в квартире записана на Эми. Она не лишится ее при любом раскладе.

– То есть миссис Стрикленд останется без всяких средств к существованию?

– Именно так. Все, что у нее есть, это двести или триста фунтов и мебель.

– На что же она будет жить?

– Бог знает.

Дело представлялось все более сложным: полковник своим пылким негодованием еще больше сбивал меня с толку. И я только обрадовался, когда он, взглянув на часы на Магазине армии и флота, вспомнил о намеченной карточной игре в клубе, предоставив мне в одиночестве идти дальше по парку Сент-Джеймс.

Глава десятая

Через день-другой миссис Стрикленд прислала мне записку, спрашивая, не смогу ли я навестить ее сегодня вечером после обеда. Я застал ее одну. Аскетически строгое черное платье подчеркивало тяжелую утрату, и я по простоте душевной удивился, как она, переживая подлинное горе, могла думать о том, как следует одеться, чтобы достойно сыграть отведенную роль.

– Помнится, вы говорили, что, если потребуется, всегда готовы прийти мне на помощь? – сказала миссис Стрикленд.

– И это чистая правда.

– Согласны вы поехать в Париж и встретиться с Чарли?

– Я?

Ее просьба сбила меня с толку. Ведь я только однажды видел ее мужа и не мог понять, чего она от меня хочет.

– Фред собирается ехать сам. – Фред – это полковник МакЭндрю. – Но я уверена: ему это дело поручать нельзя. Он все испортит. И я не представляю, к кому еще могу обратиться.

Голос женщины задрожал, и я почувствовал, что любое колебание с моей стороны будет низостью.

– Но я и десяти слов не сказал с вашим мужем. Он меня не знает. И, скорее всего, пошлет к черту.

– Вас это так беспокоит? – сказала миссис Стрикленд с улыбкой.

– Но что конкретно я должен сделать?

Она уклонилась от прямого ответа.

– То, что он вас не знает, даже хорошо. Фред ему никогда не нравился, он считает его дураком, терпеть военных не может. Фред может впасть в ярость, завяжется ссора, будет только хуже. Но если вы скажете, что пришли от моего имени, он будет обязан вас выслушать.

– Я не так давно вас знаю, – возразил я. – И не представляю, как можно взяться за подобное дело, не учитывая всех подробностей. Не хочется совать нос в то, что меня не касается. Почему бы вам самой не встретиться с ним?

– Вы забыли, что он не один.

Я прикусил язык. Мне представилось, как я приезжаю к Чарльзу Стрикленду и посылаю ему свою визитку. Он выходит ко мне, небрежно держа ее в руках.

– Чему обязан?

– Я приехал, чтобы поговорить о вашей жене.

– Вот как. Будь вы постарше, знали бы, что не стоит лезть в чужие дела. Будьте любезны, поверните голову чуть налево, там вы увидите дверь. Желаю хорошего дня.

Я предчувствовал, что уйти от миссис Стрикленд, сохранив достоинство, не удастся, и проклинал себя за то, что вернулся в Лондон прежде, чем она уладила свои дела. Я украдкой бросил на нее взгляд. Она погрузилась в раздумья, но вскоре подняла на меня глаза, тяжело вздохнула и улыбнулась.

– Все случилось так неожиданно, – сказала она. – Мы были женаты семнадцать лет. Никогда не думала, что Чарли может потерять голову из-за другой женщины. У нас были чудесные отношения. Конечно, он разделял не все мои интересы.

– Вы не выяснили, с кем... – я не знал, как закончить фразу, – кто та особа, с которой он уехал?

– Нет. Похоже, этого никто не знает. Очень странно. Обычно, когда у людей роман, их видят вместе, в ресторане или еще где-то, и всегда находятся доброжелатели, которые расска-

зывают об этом жене. А меня никто ни о чем не предупреждал. Его письмо было как гром среди ясного неба. Мне казалось, он счастлив со мной.

Миссис Стрикленд расплакалась, бедняжка, и меня пронзила жалость к ней. Но она быстро взяла себя в руки.

– Нельзя раскисать, – сказала она, утирая слезы. – Надо решить, как лучше поступить.

Она заговорила, перескакивая с одного на другое: недавнее прошлое, потом их первая встреча и женитьба, и все же со временем у меня сложилась связная картина их жизни. Я подумал, что мои подозрения не лишены оснований. Миссис Стрикленд была дочерью чиновника в Индии, который, выйдя в отставку, остался в Индии, переехав в глубь страны, однако каждый август возил семью в Истборн для смены обстановки. Там она в двадцатилетнем возрасте познакомилась с Чарльзом Стриклендом. Ему было тогда двадцать три. Они играли в теннис, гуляли, слушали негритянскую музыку, и она уже за неделю до последовавшего предложения знала, что примет его. Они поселились в Лондоне, сначала в Хэмпстеде, а потом, когда дела Чарльза пошли в гору, переехали в центр. У них родились дети – девочка и мальчик.

– Казалось, муж очень их любит. Даже если он устал от меня, не могу представить, как у него хватило духу бросить детей. Это какой-то бред. До сих пор не верится, что это правда.

Под конец миссис Стрикленд показала пресловутое письмо. Мне было любопытно его прочесть, но сам я ни за что бы не решился просить об этом.

Дорогая Эми!

Надеюсь, квартиру ты найдешь в полном порядке. Я оставил Энн все инструкции, и к твоему приезду с детьми все будет готово. Сам встретить тебя не смогу. Я принял решение жить отдельно и утром уезжаю в Париж. Это письмо отправлю уже оттуда. Домой я не вернусь. Мое решение окончательное.

Всегда твой Чарльз Стрикленд.

– Ни слова сожаления или объяснения. Разве это не бесчеловечно?

– Учитывая обстоятельства, письмо очень странное, – согласился я.

– Единственное объяснение – он не в себе. Не знаю, кто эта женщина, которая так завладела его чувствами, но она превратила его в другого человека. Очевидно, у них давний роман.

– Почему вы так думаете?

– Фред это выяснил. По словам мужа, он три-четыре раза в неделю играл в клубе в бридж. Фред знаком с одним из членов клуба, и тот очень удивился, услышав от Фреда, что Чарльз фанат бриджа. Никто никогда не видел Чарльза за карточным столом, сказал он. Видимо, это время Чарльз проводил с другой женщиной.

Я немного помолчал, думая о детях.

– Наверное, трудно было объяснить эту ситуацию Роберту, – сказал я.

– Никому из них я ничего не сказала. Мы вернулись в город за день до начала занятий в школе. У меня хватило здравого смысла сказать, что отец уехал по делам.

Представляю, как нелегко ей было с тяжелой ношей на сердце держаться как ни в чем не бывало и собирать детей в школу, стараясь не упустить ни одной мелочи. У миссис Стрикленд снова дрогнул голос.

– Что случится с ними, моими дорогими бедняжками? Как мы будем жить?

Миссис Стрикленд старалась не терять самообладания, и я видел, как судорожно она сжимает и разжимает руки. На нее было больно смотреть.

– Если вы считаете, что я могу помочь, то, конечно же, я поеду в Париж, только скажите точно, чего мне нужно добиться.

– Я хочу, чтобы он вернулся.

– Из разговора с полковником МакЭндрю я понял, что вы решили развестись.

– Я никогда не дам ему развода, – с гневом воскликнула она. – Так ему и передайте. Он никогда не сможет жениться на этой женщине. Я такая же упрямая, как он, и никогда не пойду на развод. Мне нужно думать о детях.

Полагаю, она прибавила последнее, чтобы прояснить свое отношение к происходящему, но я понимал, что дело не столько в материнской заботе, сколько в женской ревности.

– Вы все еще его любите?

– Не знаю. Я хочу, чтобы он вернулся. Если вернется, постараюсь следовать мудрому завету: кто старое помянет, тому глаз вон. В конце концов, мы женаты уже семнадцать лет. Я женщина широких взглядов. Пусть делает, что хочет, лишь бы я ничего об этом не знала. Ведь должен он понимать, что это наваждение долго не продлится. Вернись он сейчас – все пройдет гладко, и никто ничего не узнает.

Меня слегка разочаровало, что миссис Стрикленд так зависит от людских сплетен: тогда я еще не знал, какую огромную роль в жизни женщины играет общественное мнение. Это отбрасывает тень неискренности на самые глубокие чувства.

Место, где остановился Стрикленд, было известно. Партнер по бизнесу в ярости направил в банк гневное письмо, обвиняя Стрикленда в попытках скрыться, и получил от него ответ, в котором тот цинично и насмешливо называл точный адрес своего местопребывания. Беглец жил в гостинице.

– Никогда о ней не слыхала, – сказала миссис Стрикленд. – Но Фред ее знает и говорит, что она очень дорогая.

Миссис Стрикленд густо покраснела. Похоже, она представила своего мужа в роскошных апартаментах, обедающего в дорогих ресторанах, проводящего дни на скачках, а вечера – на театральных премьерах.

– Такие эскапады не для его возраста, – заявила она. – Не забывайте, ему уже сорок. Можно понять, когда такое случается с молодым человеком, но в его годы, когда у него почти взрослые дети, это ужасно. Он подорвет здоровье.

В ее груди боролись гнев и жалость.

– Скажите ему, что наш дом осиротел без него. Все вроде бы по-старому, но это уже не то. Я не могу жить без него. Лучше умереть. Напомните ему о нашем прошлом, обо всем, через что мы прошли вместе. Что скажу я детям, когда они спросят о нем? В его комнате ничего не трогали, все осталось, как было при нем. Комната его ждет. Мы все его ждем.

Миссис Стрикленд подробно остановилась на том, что мне следовало сказать ее мужу. Она давала детальные ответы на все его возможные замечания.

– Вы обещаете сделать все возможное? – протянула она жалобно. – Расскажите ему, в каком я состоянии.

Она хотела, чтобы я использовал все доступные мне средства и вызвал у ее мужа жалость. Слезы рекой лились у нее из глаз. Мне стало жаль несчастную женщину, холодная жестокость Стрикленда внушала отвращение. Я пообещал сделать все, чтобы его вернуть, и дал слово уже на следующий день отправиться в Париж и находиться там, пока не добьюсь результата. Я покинул миссис Стрикленд, когда было уже поздно и мы оба устали от пережитых волнений.

Глава одиннадцатая

Во время путешествия я с опаской думал о своей миссии. Теперь, когда перед моими глазами не было заплаканной миссис Стрикленд, я смотрел на случившееся более трезвым взглядом. Противоречивость ее поведения смущала меня. Она была очень несчастна, но, чтобы вызвать во мне жалость, явно переигрывала. И, заранее готовясь при мне плакать, запаслась изрядным количеством платков. Такая предусмотрительность достойна восхищения, но теперь, оглядываясь назад, ее безутешные слезы трогали меня гораздо меньше. Я не мог решить, вознамерилась она вернуть мужа, ибо любит его, или просто опасается сплетен; меня мучило подозрение, что истинная боль от любовной утраты сочетается в ее сердце с уязвленным самолюбием, а мне это, по молодости лет, казалось бесчестным. Тогда я еще не знал, как противоречива человеческая натура, сколько позерства в, казалось бы, искреннем порыве, как низок может быть человек благородного происхождения и как добр отверженный.

Однако авантюрный характер поездки по мере приближения к Парижу стал приятно будоражить воображение. Я увидел свою роль как бы со стороны и был вполне удовлетворен: благородный друг возвращает заблудшего мужа готовой все забыть и простить жене. Я решил не торопиться и встретиться со Стриклендом на следующий вечер, инстинктивно понимая, что время встречи надо выбрать тщательно. Вряд ли получится вызвать у человека положительные эмоции до ланча. Мои собственные мысли тогда были постоянно заняты любовью, но я и представить себе не мог супружеского блаженства до чаепития. Я справился в моей гостинице, где находится «Отель де Белж», в котором остановился Чарльз Стрикленд. К моему удивлению, портье никогда не слышал о таком, хотя, со слов миссис Стрикленд, я понял, что это крупный и роскошный отель возле улицы Риволи. Заглянув в справочник, мы выяснили, что единственная гостиница с таким названием расположена на улице Муан. Район не фешенебельный и даже не очень приличный. Я покачал головой.

– Уверен, что это не там, – сказал я.

Портье пожал плечами. В Париже не было другой гостиницы с таким названием. Мне пришло в голову, что Стрикленд мог схитрить и скрыть свой настоящий адрес, назвав партнеру ложный. Не знаю почему, но у меня было подозрение, что это вполне в духе Стрикленда – заставить обозленного маклера бессмысленно прикатить в Париж, чтобы разыскать чуть ли не в трущобах заштатную гостиницу. И все же я решил туда поехать и разобраться на месте. На следующий день часов в шесть я вызвал такси и попросил водителя остановиться на углу улицы, решив пешком дойти до гостиницы и там осмотреться, прежде чем войти. По обеим сторонам улицы тянулись ряды небольших магазинчиков и лавок для простого люда, а в середине слева стояла гостиница «Белж». Достаточно скромная гостиница, где я поселился, по сравнению с этой была чуть ли не дворцом. Высокое, жалкое строение не обновляли и не красили много лет, и вид у него был такой обшарпанный, что обычные дома по его сторонам выглядели чистыми и опрятными. Грязные окна были плотно закрыты. Как мог здесь жить Чарльз Стрикленд в греховной роскоши с неизвестной чаровницей, ради которой пожертвовал честью и долгом? Я был раздосадован, чувствуя себя обведенным вокруг пальца дураком, и чуть было не повернул назад, не наведя никаких справок относительно сбежавшего мужа. Не поступил я так только по одной причине – хотелось иметь право сообщить миссис Стрикленд, что сделал для нее все возможное.

Вход в гостиницу соседствовал с очередной лавчонкой. Дверь была распахнута, и на ней висело объявление: *Bureau au premier*⁵. Я поднялся по узким ступеням и увидел на площадке что-то вроде стеклянной конторки, в которой были стол и пара стульев. Снаружи стояла скамья,

⁵ Офис на первом этаже (*франц.*).

на которой, видимо, ночной портье проводил нервные, полные беспокойства ночи. Из людей никого не было видно, но под электрическим звонком висела табличка *Garçon*⁶. Я позвонил, и вскоре появился коридорный – молодой человек угрюмого вида, с бегающими глазками. На нем была рубашка с короткими рукавами, на ногах – тапочки.

Не знаю почему, я весьма небрежно спросил у него:

– Не остановился ли здесь, часом, мистер Стрикленд?

– Номер тридцать второй. На шестом этаже.

Я так удивился, что на какое-то время утратил дар речи.

– Он сейчас у себя?

Парень окинул взглядом стойку с ключами.

– Ключа нет. Поднимайтесь и взгляните сами.

Я счел необходимым задать еще один вопрос:

– *Madame est là?*

– *Monsieur est seul*⁷.

Когда я поднимался по лестнице, коридорный провожал меня подозрительным взглядом. Было темно и душно, я почти задохнулся от спертого воздуха и зловония. На третьем этаже неопрятная женщина в халате, с взлохмаченными волосами открыла дверь и молча уставилась на меня. Наконец я добрался до шестого этажа и постучал в дверь тридцать второго номера. Внутри послышался шум, и дверь приоткрылась. Передо мной стоял Чарльз Стрикленд. Он молчал, явно не узнавая меня.

Я назвал свое имя, стараясь держаться как можно непринужденней.

– Вижу, вы меня не помните. Я имел удовольствие в июле обедать у вас.

– Заходите, – приветливо пригласил он. – Рад вас видеть. Присаживайтесь.

Я вошел. Маленькая комната была забита мебелью в стиле, который французы именуют стилем Луи-Филиппа. Широкая деревянная кровать с красным стеганым одеялом, большой гардероб, круглый стол, крохотный умывальник и два стула, обитые красным репсом. Все грязное и потрепанное. Никакого намека на непристойную роскошь, которую так живо описывал полковник МакЭндрю. Стрикленд сбросил на пол одежду с одного стула, и я сел.

– Чему обязан? – спросил он.

В этой конуре мужчина показался мне еще крупнее, чем в день первой встречи. На нем была старая куртка, и, похоже, он несколько дней не брился. В день нашего знакомства Стрикленд был модно одет, но, похоже, это его тяготило, а вот сейчас, неопрятный и неряшливый, он чувствовал себя как рыба в воде. Я не представлял, как он отнесется к тому, что я собирался сказать.

– Я приехал по поручению вашей жены.

– А я как раз собирался чего-нибудь выпить перед обедом. Не составите компанию? Как вы относитесь к абсенту?

– Нормально.

– Тогда пойдем.

Стрикленд надел котелок, явно нуждавшийся в чистке.

– Можно и пообедать вместе. Помните, вы должны мне обед?

– Конечно. Вы один?

Мысленно я похвалил себя, что так непринужденно задал столь важный вопрос.

– Да, один. По правде говоря, я уже три дня ни с кем не разговаривал. Мой французский оставляет желать лучшего.

⁶ Слуга, официант (*франц.*).

⁷ – Мадам дома? – Месье живет один (*франц.*).

Спускаясь с ним по лестнице, я задавался вопросом, куда делась малышка из закускойной. Они что, уже поссорились или он к ней охладел? Зная, что Стрикленд чуть ли не год готовился к бегству, последнее казалось маловероятным. Дойдя до кафе на улице Клиши, мы уселись за столиком на улице.

Глава двенадцатая

В это время дня улица Клиши была запружена народом, и человек с живым воображением мог разглядеть в прохожих персонажей из бульварной литературы. Кого здесь только не было! Здесь прогуливались клерки и продавщицы, старики, словно сошедшие со страниц романов Оноре де Бальзака, а также мужчины и женщины, профессионально извлекающие доход из человеческих слабостей. На улицах этого бедного квартала Парижа жизнь была ключом, заставляя сердце колотиться сильнее в ожидании внезапных приключений.

– Вы хорошо знаете Париж? – спросил я.

– Нет. Не был здесь с медового месяца.

– Как вам удалось набрести на эту гостиницу?

– Мне ее порекомендовали. Я хотел что-нибудь подешевле.

Принесли абсент, и мы с подобающей серьезностью стали смешивать его с тающим сахаром.

– Полагаю, лучше сразу открыть вам цель моего визита, – сказал я не без смущения.

Его глаза лукаво блеснули.

– Я не сомневался, что рано или поздно кто-то объявится. От Эми пришла груда писем.

– Тогда вы прекрасно знаете, что я собираюсь сказать.

– Письма я не читал.

Я закурил сигарету, чтобы потянуть время, не представляя, как перейти к делу. Заготовленные мною красноречивые фразы – проникновенные или негодующие – были здесь, на улице Клиши, неуместны. Стрикленд усмехнулся.

– Неприятная вам досталась работенка, так ведь?

– Не знаю, что и сказать, – ответил я.

– Вот что. Выкладывайте все поскорее, а потом проведем вместе приятный вечер.

Я колебался и медлил с ответом.

– Вам приходило в голову, что ваша жена страдает, что она в отчаянии?

– Эми справится.

Не решусь описать поразительную черствость, с какой это было сказано. Я смутился, но постарался скрыть свое смущение, приняв тон моего дядюшки Генри, священника, когда он уговаривал кого-нибудь из родственников принять участие в благотворительной акции.

– Не возражаете, если я буду говорить с вами откровенно?

Он улыбнулся и согласно кивнул головой.

– Разве она заслужила такое отношение?

– Нет.

– У вас есть к ней претензии?

– Никаких.

– Разве не бесчеловечно вот так бросить ее, безвинную, после семнадцати лет брака?

– Бесчеловечно.

Я посмотрел на Стрикленда с удивлением. Безоговорочное согласие с тем, что предъявлялось ему, выбивало почву из-под ног. Положение мое становилось затруднительным, если не сказать смехотворным. Я готовился к тому, что придется его убеждать, вызывать в нем сострадание, поучать, предостерегать и выдвигать требования, прибегая при необходимости к язвительности, негодованию, даже к сарказму, но что прикажете делать исповеднику, когда грешник признает свой грех, но не раскаивается в нем? Я о таком и не слыхивал, ибо моя привычная тактика сводилась к отрицанию предъявляемых мне обвинений.

– Ну, так что? – спросил Стрикленд.

Я постарался презрительно скривить губу.

– Раз вы все признаете, что тут скажешь?

– Видимо, ничего.

Я почувствовал, что довольно неумело выполнил возложенную на меня задачу, и разо-
злился.

– Но, в конце концов, нельзя же оставлять женщину без гроша.

– Почему нельзя?

– На что прикажете ей жить?

– Я семнадцать лет ее полностью обеспечивал. Может, теперь она для разнообразия сама
о себе позаботится.

– Она не может.

– Пусть попробует.

Много чего нашлось бы на это возразить. Я мог бы поднять разговор об экономическом
положении женщины, об обязательствах, которые – гласно и негласно – берет на себя мужчина,
вступая в брак, и о многом другом, но я понимал, что тут важно лишь одно.

– Вы ее больше не любите?

– Нисколько.

Все поднимаемые мною вопросы почитались в человеческой жизни очень серьезными,
но в манере, с какой Стрикленд на них отвечал, было столько задорной наглости, что я кусал
себе губы, чтобы не прыснуть от хохота. Мне приходилось напоминать себе, что его поведение
омерзительно, и через силу вызывать негодование.

– Черт побери, не забывайте, у вас есть дети. Что плохого они вам сделали? Сами они
не просились в этот мир. Если вы и дальше будете действовать в том же духе, их выбросят
на улицу.

– Они много лет провели в благополучии и комфорте. Большинству детей такое и не
снилось. Кроме того, о них есть кому позаботиться. Когда придет время, МакЭндрю оплатит
их обучение.

– Но разве вы их не любите? Они такие очаровательные. Не хотите же вы сказать, что
судьба детей вас больше не интересует.

– Малышами я очень любил их, но теперь они выросли, и я больше не испытываю к ним
никаких особенных чувств.

– Это противоестественно.

– Не спорю.

– Похоже, вам совсем не стыдно.

– Вы правы.

Я попробовал зайти с другого конца.

– Вас будут считать негодяем.

– Ну и пусть.

– Неужели вам все равно, что люди станут презирать и ненавидеть вас?

– Абсолютно.

Короткие презрительные ответы просто уничтожали мои естественные вопросы, и даже
мне они стали казаться несусветной глупостью. Минуту-другую я размышлял.

– Не знаю, можно ли жить спокойно, понимая, что все вокруг осуждают тебя. Уверены
ли вы, что способны это выдержать? Совесть есть у каждого, и рано или поздно она заговорит.
Предположим, умрет ваша жена, разве не замучают вас угрызения совести?

Стрикленд молчал, и я некоторое время терпеливо ждал его ответа, но потом решил
сам прервать молчание:

– Так что вы на это скажете?

– Только то, что вы дурак.

– В любом случае, вас могут заставить содержать жену и детей, – резко возразил я, почувствовав себя оскорбленным. – Закон возьмет их под свою защиту.

– Закону не под силу выжать воду из камня. У меня нет денег. В кармане не больше ста фунтов.

Я чуть не потерял дар речи. Гостиница, где он остановился, и правда говорила о весьма стесненных обстоятельствах.

– А что вы будете делать, когда и они закончатся?

– Заработаю как-нибудь.

Стрикленд сохранял полное спокойствие, в глазах его по-прежнему играла насмешливая улыбка, и от этого все, что я говорил, казалось сущим бредом. Я помолчал, соображая, что мне еще сказать. Но тут молчание прервал он.

– Почему бы Эми снова не выйти замуж? Она сравнительно молода и достаточно привлекательна. Могу подтвердить, что и жена она отличная. Если захочет развестись, я согласен взять вину на себя.

Настал мой черед улыбаться. Как он ни хитрил, но конечную цель выдал. У него есть основания скрывать свой побег с женщиной, и потому он делает все, чтобы утаить ее местопребывание. Я ответил решительно:

– Ничто не заставит вашу жену дать вам развод. Это ее твердое решение. Так что вам лучше на это не рассчитывать.

Стрикленд взглянул на меня с неподдельным изумлением. Улыбка сошла с его лица, и на этот раз он заговорил серьезно.

– Поверьте, мне наплевать, друг мой. Что так, что этак – для меня никакой разницы.

Я рассмеялся.

– Да бросьте. Не считайте всех идиотами. Известно, что вы бежали с женщиной.

Стрикленд слегка вздрогнул, а потом разразился громким хохотом. Хохот был такой оглушительный и заразительный, что на нас стали оглядываться сидящие поблизости люди, а некоторые и сами засмеялись.

– Не вижу ничего смешного.

– Бедняжка Эми, – осклабился он.

Затем лицо его презрительно скривилось в горькой усмешке.

– Как все-таки глупы женщины! Любовь. Всегда любовь. Если мужчина от них уходит, значит, нашел себе другую. Словно иных вариантов нет. Неужели вы считаете меня глупцом, затеявшим все это ради другой женщины?

– То есть вы хотите сказать, что ушли от жены не по этой причине?

– Нет, конечно.

– Честное слово?

Не знаю, зачем я потребовал «честного слова». Выглядело это наивно.

– Честное слово.

– Тогда какого черта вы ее бросили?

– Я хочу заниматься живописью.

Ничего не понимая, я уставился на него, не в силах произнести ни слова. Сумасшедший, промелькнуло в голове. Не забывайте, я был очень молод, а Стрикленда считал пожилым человеком. От изумления я позабыл обо всем.

– Но вам уже сорок лет.

– Это как раз и наталкивает меня на мысль, что пора начинать.

– А раньше вы рисовали?

– В детстве я мечтал стать художником, однако отец заставил меня идти в бизнес, все художники нищие, сказал он. Но весь прошлый год я вечерами посещал курсы.

– Вот где вы, значит, были. А миссис Стрикленд думала, вы проводите время в клубе за бриджем.

– Я занимался на курсах.

– А почему ей ничего не сказали.

– Предпочел держать это при себе.

– Вы хорошо рисуете?

– Еще нет. Но обязательно буду. Для этого я и приехал сюда. В Лондоне я не нашел того, что мне нужно. Надеюсь найти это здесь.

– По-вашему, человек может преуспеть в чем-то, начав в вашем возрасте? Большинство начинает рисовать лет в восемнадцать.

– Зато теперь я буду учиться быстрее, чем делал бы это в восемнадцать.

– А почему вы считаете, что у вас есть талант?

Некоторое время Стрикленд молчал. Его взгляд блуждал по движущейся толпе, но не думаю, что он что-то видел. Его ответ не был ответом по существу.

– Я должен рисовать.

– Считаете, риск оправдан?

На этот раз он посмотрел на меня внимательнее. В его глазах было какое-то непонятное выражение, от которого мне стало не по себе.

– Сколько вам лет? Двадцать три?

Этот вопрос показался мне неуместным. В моем возрасте сам бог велел рисковать, у него же юность осталась далеко позади, он был биржевым маклером с солидным положением, женат и имел двоих детей. То, что являлось нормальным для меня, для него было абсурдным. Я всего лишь хотел быть справедливым.

– Конечно, может произойти чудо, и вы окажетесь великим художником, но признайтесь, что шансы тут один к миллиону. Будет ужасно, если в конце концов вы удостоверитесь в бессмысленности своего поступка.

– Я должен рисовать, – повторил он.

– Предположим, вы останетесь третьесортным художником, стоит ли тогда все бросать ради сомнительного результата? Ведь в других областях не обязательно быть лучшим. Можно жить, и неплохо, оставаясь на протяжении всей жизни посредственностью. Но у художников все иначе.

– Да вы и правда дурак, – сказал он.

– Неужели надо быть непременно дураком, если говоришь очевидные вещи.

– Говорю же, я должен рисовать. Ничего не могу с этим поделать. Когда человек упал в водоем, неважно, хорошо он плавает или не очень, ему надо просто выбраться оттуда, иначе он утонет.

В его голосе звучала подлинная страсть, и, вопреки желанию, меня захватила эта сила. Я чувствовал, как она бурлит в нем – могучая, властная, управляющая им против его воли. Я ничего не понимал. Казалось, Стрикленд одержим дьяволом, который в любой момент может его растерзать, хотя со стороны он выглядел обычным человеком. Мой любопытный взгляд несколько его не смущал. Интересно, думал я, за кого мог бы принять Стрикленда посторонний человек, увидев его здесь в старой куртке и нечищеном котелке, в помятых брюках, с неммытыми руками и тяжелым, грубым лицом с рыжей щетиной на подбородке, маленькими глазками и крупным, резко очерченным носом. Рот у него был большой, губы – полные, чувственные. Лично я не смог бы определить, кто он.

– Так вы не вернетесь к жене? – сказал я наконец.

– Никогда.

– Она обещает все забыть и начать жизнь с новой страницы. И никаких упреков в будущем.

– Да пошла она к черту!

– И вам все равно, что люди будут считать вас подлецом? А жена и дети пойдут просить милостыню?

– Плевать хотел.

Я немного помолчал, чтобы набраться духу перед следующим заявлением. И произнес так уверенно, как только мог:

– Вы законченный хам.

– Теперь, когда вы облегчили душу, можно пойти пообедать.

Глава тринадцатая

Полагаю, было бы приличнее отказаться от этого предложения. Выразить свое возмущение, которое я действительно испытывал, и тем заслужить похвалу полковника МакЭндрю, рассказав ему при встрече, что я решительно отказался сесть за один стол с таким низким человеком. Но страх оказаться не на высоте и провалить свою роль всегда мешал мне быть моралистом, а в этом случае я понимал, что никакие мои увещания не произведут на Стрикленда должного впечатления – все равно что палить из пушки по воробьям, и это особенно сдерживало меня. Только поэт или святой станут поливать водой асфальтовый тротуар в надежде, что на нем расцветут лилии.

Я заплатил за спиртное, и мы направились в дешевый рестораник, где было многолюдно и весело, и там с аппетитом (я – молодого, а он – бесчувственного человека) пообедали. Потом перебрались в таверну выпить кофе с ликером.

Я полностью выполнил приведшую меня в Париж миссию, и хотя чувствовал себя в некотором роде предателем по отношению к миссис Стрикленд, так как не добился нужного результата, но у меня уже не осталось сил бороться с равнодушием ее мужа. Только женщина может повторять одно и то же несколько раз с неослабевающим пылом. Я успокаивал себя тем, что будет полезно разобраться в душевном состоянии Стрикленда. Это меня особенно интересовало, хотя задача предстояла нелегкая: Стрикленд не отличался разговорчивостью. Он объяснялся с трудом, словно его мозг работал не со словами, а с чем-то другим, и то, что он хотел сказать, складывалось из банальных фраз, жаргона и неясных, отрывистых жестов. И хотя ничего значительного он не говорил, было в его личности нечто такое, что не позволяло назвать его недалеким или смешным. Возможно, из-за искренности. Казалось, его не очень интересовал Париж, хотя по-настоящему Стрикленд видел его впервые (краткая поездка во время медового месяца в счет не входит), и на местные достопримечательности он взирал равнодушно. В отличие от него, я был в Париже раз сто и каждый раз переживал бурю восторга. Когда я бродил по парижским улицам, мне всегда казалось, что за углом меня ждет приключение. Стрикленд же оставался ко всему безучастен. Оглядываясь назад, я думаю, что тогда он был слеп ко всему, кроме мятежных видений в его душе.

Один нелепый случай произошел в таверне, где было много проституток, кто-то из них уже обзавелся мужчиной, кто-то еще сидел в одиночестве, и тут я заметил, что одна из них смотрит в нашу сторону. Поймав взгляд Стрикленда, она улыбнулась. Не думаю, что он обратил на нее внимание. Через какое-то время она вышла, но через минуту вернулась и, проходя мимо нашего стола, очень вежливо попросила нас купить ей выпивку. Она присела за наш столик, я стал с ней болтать, но было очевидно, что ее интересует Стрикленд. Мой спутник знает по-французски всего несколько слов, сказал я. Женщина пробовала сама с ним объясниться – частично жестами, частично на ломаном французском, безосновательно считая, что так он лучше ее поймет, и десятком фраз на английском. Она заставляла меня переводить то, что могла выразить только на родном языке, и нетерпеливо ждала, что ответит Стрикленд. Тот находился в превосходном расположении духа, его это забавляло, но в остальном он оставался равнодушным.

– Похоже, вы одержали победу, – со смехом сказал я.

– Мне это не льстит.

На его месте я был бы больше смущен, но совсем не безучастен. У нее были смеющиеся глаза и восхитительные губы. Она была молода. Непонятно, что ее так влекло к Стрикленду. Девушка не скрывала своих желаний, и мне пришлось перевести:

– Она приглашает вас к себе домой.

– Такие женщины, как она, мне неинтересны, – ответил он.

Я перевел его ответ как можно любезнее. Сочтя, что отклонять такое приглашение невежливо, я объяснил его отказ отсутствием денег.

– Но он мне нравится, – сказала девушка. – Ему это ничего не будет стоить.

Я перевел ее слова, но Стрикленд нетерпеливо пожал плечами.

– Пошлите ее к черту! – был ответ.

Выражение его лица все говорило без перевода. Девушка гордо откинула голову и, возможно, покраснела под румянами. Она встала со словами:

– Monsieur n'est pas poli⁸.

И вышла из таверны. Меня это расстроило.

– Зачем вы ее оскорбили? – сказал я. – Она только хотела сделать вам приятное.

– От таких меня тошнит, – грубо отрезал он.

Я с любопытством взглянул на него. Лицо его выражало непритворное отвращение, но это было лицо грубого и чувственного мужчины. Думаю, эта брутальность и привлекла девушку.

– В Лондоне я мог бы иметь любую женщину, какую захотел. Не за этим я приехал в Париж.

⁸ Месье груб (франц.).

Глава четырнадцатая

Возвращаясь в Англию, я много думал о Стрикленде, пытаюсь привести в порядок то, что предстояло сказать его жене. Результат поездки был неудачный, порадовать ее было нечем. Я и сам был собой недоволен. Стрикленд озадачил меня. Я не понимал мотивов его поступков. Когда я задал ему вопрос, что натолкнуло его на занятия живописью, он не мог или не захотел ответить. И с этим ничего нельзя было поделать. Я пытался убедить себя, что в его медлительном разуме чувство сопротивления нарастало постепенно, однако почему он никогда не показывал недовольства монотонным течением своей жизни? Понятно и вполне банально, если он решил стать живописцем из-за невыносимой скуки бытия, желая порвать с опостылевшими узами, но уж в банальности Стрикленда никак не заподозришь. Будучи в душе романтиком, я придумал объяснение, притянутое в целом за уши, но только оно одно меня удовлетворяло. Я задавался вопросом: не находится ли в его душе глубоко заложенный творческий инстинкт, приглушенный жизненными обстоятельствами, но медленно разрастающийся, как злокачественная опухоль в живой ткани, пока не охватил ее полностью и не призвал к действию? Так кукушка кладет яйца в чужие гнезда, и когда кукушонок подрастает, он выпихивает сводных братьев из гнезда, а затем разрушает и само приютившее его гнездо.

Конечно, странно, что творческий инстинкт овладел скучным биржевым маклером и, возможно, разрушит его жизнь и жизни тех, кто зависит от него, однако еще более странно, когда Дух Божий нисходит на богатых и могущественных людей и упорно преследует их, пока они не склоняют смиренно головы, отказываясь от мирских радостей и женской любви ради суровой монашеской жизни. Преображение имеет много обличий и свершается разными путями. К некоторым оно приходит как взрыв – так бешеный поток может раздробить камень на мелкие кусочки, а к другим постепенно – как говорится, капля камень точит. Стрикленд обладал прямоотой фанатика и яростью апостола.

Но моему практичному уму было важно, оправдают ли эту страсть его будущие работы. Когда я спросил, что думали о его живописи коллеги по вечерним классам в Лондоне, он ответил с усмешкой:

– Думали, что я забавляюсь.

– А здесь вы стали посещать курсы?

– Да. Сегодня приходил этот малый, ну, руководитель, посмотрел на мои работы, пожал плечами и пошел дальше.

Стрикленд издал короткий смешок. Разочарованным он не выглядел. Он не зависел от чужого мнения.

Именно это сбивало меня с толку в наших отношениях. Когда люди утверждают, что мнение других им безразлично, они, по большей части, себя обманывают. Обычно они поступают по собственному разумению в надежде, что никто не узнает об их капризах, но есть такие, что идут наперекор мнению большинства, ощущая поддержку друзей и близких. Нетрудно быть экспериментатором в глазах света, если тебя поддерживает группа единомышленников. Тогда ты преисполнен чувством горделивого самоуважения. Чувствуешь, что бросаешь вызов, но не испытываешь при этом даже намека на опасения. Однако жажда признания – возможно, наиболее укоренившийся инстинкт цивилизованного человека. Никто так не стремится обрести добродетельную репутацию, как падшая женщина, испытывавшая на себе презрение и злобу так называемого порядочного общества. Я не верю людям, которые уверяют меня, что им плевать на общественное мнение. Это просто бравада. Они не страшатся только упреков в мелких грешках, на которые, по их мнению, никто не обратит внимания.

Но передо мной был человек, которого искренне не интересовали оценки других людей, традиции не имели над ним власти; он походил на борца, намазавшего тело жирным кремом, его не ухватить; это давало свободу, бывшую по сути вызовом. Помнится, я говорил ему:

– Если каждый будет вести себя как вы, мир рухнет.

– Ничего глупее не слышал. Не всякий захочет поступать как я. Большинству нравится жить как все.

Однажды я позволил себе съехидничать:

– Вы, очевидно, не верите в максимум: «Поступайте так, чтобы любой ваш поступок мог быть возведен во всеобщее правило».

– Никогда раньше такого не слышал, но это чушь собачья.

– А ведь это сказал Кант.

– Ну и что? Все равно чушь.

Бессмысленно звать к совести такого человека. Все равно что пытаться увидеть отражение, не имея зеркала. Я считаю, что совесть – наш проводник в правилах, установленных обществом ради собственной безопасности. Это полицейский в наших сердцах, поставленный, чтобы мы не нарушали законы. Это шпион, окопавшийся в бастионе нашего «я». Желание человека получить одобрение собратьев так сильно, страх перед их осуждением так велик, что он сам открывает ворота врагу, и тот надзирает за ним, стоит на страже интересов хозяина, чтобы в корне подавить зарождающийся порыв того отбиться от стада. Все это заставляет человека ставить интересы общества выше личных. Связь между личностью и обществом очень сильна. Убежденный в первостепенности общественных интересов человек становится рабом этого убеждения, возводит его на престол, а сам выступает в роли слуги, преклоняющего колено, когда жезл владыки обрушивается на его плечи. Он гордится своей совестью. И тогда ему становится невыносим человек, не признающий этой власти, ведь, став законопослушным гражданином, он понимает, что бессилен против бунтаря. Увидев, что Стрикленду действительно безразлично, как реагируют на его поступки другие люди, мне оставалось лишь в ужасе отшатнуться от этого чудовища, утратившего человеческий облик.

Вот что сказал он мне на прощание:

– Передайте Эми, что ей нет смысла сюда приезжать. В любом случае я сменю гостиницу, и ей не удастся меня разыскать.

– Думаю, ей повезло, что она избавилась от вас.

– Надеюсь, дружище, вам удастся убедить ее в этом. Впрочем, женщины умом не отличаются.

Глава пятнадцатая

В Лондоне меня ждала записка с настойчивой просьбой прийти сегодня же вечером к миссис Стрикленд. У нее были майор МакЭндрю с женой. Сестра миссис Стрикленд была чуть постарше, сходство между ними проглядывало, но вид у старшей был изрядно поблекший; впрочем, держалась она так самоуверенно, словно вся Британская империя была у нее в кармане. Такое поведение присуще женам старших офицеров, надменно считающих, что они принадлежат к высшей касте. Манеры у нее были бойкие, и хорошее воспитание лишь слегка скрывало убеждение, что если ты не военный, то ничем не лучше лавочника. Гвардейцев она терпеть не могла, считая зазнайками, а об их женах, не наносящих ответных визитов, вообще не желала слышать.

Миссис Стрикленд явно нервничала.

– Ну, рассказывайте же! – потребовала она.

– Я видел вашего мужа. Боюсь, он твердо решил не возвращаться. – Я немного помолчал. – Ваш муж хочет заниматься живописью.

– Что вы имеете в виду? – удивленно воскликнула миссис Стрикленд.

– Вы что, раньше не знали об этом его увлечении?

– Да он совсем рехнулся, – не выдержал полковник.

Миссис Стрикленд задумалась, перебирая в памяти разные случаи из жизни.

– Помнится, до нашей свадьбы он что-то малевал. Но ничего кошмарнее я не видела. Мы смеялись над ним. У него не было ни грана таланта.

– Это просто предлог, – сказала миссис МакЭндрю.

Миссис Стрикленд глубоко задумалась. Было понятно, что после моего сообщения она безуспешно пытается связать концы с концами. К этому времени она успела навести порядок в гостиной – сработал инстинкт домохозяйки, и комната уже не производила впечатления заброшенного помещения, в котором никто не живет, как было в мой первый визит после катастрофы. Но того Стрикленда, какого я видел в Париже, невозможно было представить в такой обстановке. Неужели они не замечали, подумал я, насколько он выбивается из их быта?

– Если он мечтал стать художником, почему не сказал мне об этом? – произнесла наконец миссис Стрикленд. – Думаю, я никогда бы не стала препятствовать влечению такого рода.

Миссис МакЭндрю поджала губы. Похоже, она не разделяла влечения сестры к людям искусства, иронически относясь к ее «богемным» наклонностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.